

На правах рукописи

ГРОМ ОЛЕГ АНДРЕЕВИЧ

**МОЛДАВСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕССАРАБИИ В
КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Ставрополь – 2017

Работа выполнена в автономной некоммерческой образовательной
организации высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Лапин Владимир Викентьевич

**Официальные
оппоненты:** **Кобахидзе Елена Исааковна**
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Отдела
источниковедения Северо-Осетинского
института гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева – филиал
ФГБУН «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»

Морозан Владимир Васильевич
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории народов стран
СНГ ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт языка,
литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии
наук

Защита состоится «20» апреля 2018 г. в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.245.12 при ФГАОУ ВО «Северо-
Кавказский федеральный университет» по адресу: 355009, г. Ставрополь,
ул. Пушкина, 1, корп. 20, аудит. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на
сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по
адресу: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1,
http://www.ncfu.ru/uploads/doc/disser_Grom.pdf

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ:
<http://www.ncfu.ru/dissertaciya-groma-olega-andreevicha.html>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

И.А. Краснова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В конце XIX – начале XX вв. Российская империя столкнулась с появлением и расцветом национальных движений на окраинах, заговоривших от имени «угнетенных наций» и поставивших вопрос о культурной самостоятельности, поддержке нерусских языков, автономии и гражданских свободах. Не стала исключением и Бессарабия, считавшаяся на протяжении XIX в. одним из наиболее спокойных в политическом отношении регионов империи.

На фоне многочисленных работ, посвященных изучению национальных окраин Российской империи, национальных движений и имперской политики, бессарабская тематика оставалась до недавнего времени практически не затронутой. Российская историография «молдавского вопроса» в имперский период на данный момент практически отсутствует. Это во многом связано с меньшей «значимостью» для истории имперского периода «молдавского вопроса», в сравнении, например, с украинским, польским или финляндским. Тем не менее, интерес к истории Молдавии существует как среди профессиональных исследователей, так и среди любителей истории. Отчасти этот интерес удовлетворяется русскоязычными изданиями молдавских авторов. Но подобного рода работы зачастую ставят себе целью не столько научный анализ, сколько создание этноцентричных нарративов, направленных на конструирование «политически верного» образа прошлого. История Бессарабии представляется как этническая история молдаван или бессарабских румын, неустанно боровшихся против русификации, за сохранение языка, идентичности, а в конечном итоге – за обретение независимости или воссоединение с Румынией.

В предлагаемом диссертационном исследовании сделана попытка избежать подобных крайностей. Развитие областей исторического знания,

связанных с изучением империй, национализма и идентичностей, позволяют переосмыслить ряд утверждавшихся в историографии положений. События конца XIX – начала XX вв. рассматриваются не как поле «войны идентичностей», но как элемент законченного прошлого, а автор при этом выступает в качестве «стороннего наблюдателя» (насколько это возможно), а не человека, ищущего в прошлом ответы на вопросы о современной коллективной идентичности или подтверждение каких-либо идеологических конструктов.

Таким образом, недостаточная изученность истории молдавского национального движения в конце XIX – начале XX вв. на современном этапе развития историографии, а также социально-политическая значимость (как с точки зрения внутренних процессов, происходящих в Молдове и Румынии, так и с точки зрения российско-молдавских отношений) определяют актуальность выбранной темы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. по 1917 год. На рубеже XIX и XX вв. появляются первые молдавские националистические организации, а своего пика движение достигает в годы революции 1905–1907 годов. В качестве верхней хронологической границы выбран 1917 г., когда перестала существовать Российская империя, а молдавское движение в Бессарабии оказалось в принципиально новых условиях.

Географические рамки исследования охватывают Бессарабскую губернию, но не ограничиваются ею, поскольку вопросы, касающиеся «молдавского вопроса» и национализма в Бессарабии, могли обсуждаться в Санкт-Петербурге, Бухаресте, Яссах и т.д.

Степень изученности темы исследования. На тему «бессарабского вопроса» написано внушительное количество статей и монографий. Тем не менее, лишь в небольшой их части акцентируется внимание на молдавском национализме. До недавнего времени историки, писавшие о национальном

движении бессарабских молдаван, находились под жестким идеологическим и политическим давлением, и только в последние два десятилетия можно говорить о постепенной деполитизации истории региона.

Одной из первых работ, посвященных молдавскому национальному движению, стала «История Сфатул Цэрий», написанная в 1919 г. по заказу Совета министров Румынии, и оставшаяся долгое время неопубликованной¹. Уже в ней можно проследить формирование «канона» истории молдавского движения, описанного с точки зрения румынского национального проекта.

Большая часть ранних работ по теме имела публицистический характер и писалась с практическими пропагандистскими целями: показать наличие в Бессарабии «румынской проблемы» и существование в период русского господства национального движения, ставившего целью ее присоединение к Румынии². С середины 1920-х гг. начинается более систематическое изучение имперского периода истории Бессарабии, вклад в которое внесли такие историки как Ион Нистор, Штефан Чобану, Петре Казаку, Николае Поповски и др.³.

Молдавская историография советского периода развивалась под влиянием «войны за идентичность» населения Молдавской ССР. Это выражалось в борьбе с «буржуазными фальсификаторами истории», под которыми понимались бессарабские историки 20–30-х гг., а также

¹ O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917–1918) / под ред. I. Negrei, D. Poștarencu. Chișinău, 2004. 287 p.

² Pelivan I.G. The Union of Bessarabia with her Mother-country Romania. București, 1918. 44 p.; Pelivan I.G. The rights of the Romanians to Bessarabia. Paris, 1920. 21 p.; Cazacu P. La verit  storica sulla questione della Bessarabia. – București, 1926 – 62 p.; Ghibu O. De la Basarabia ruseasc  la Basarabia rom neasc . Cluj, 1926. 197 p.

³ Ciobanu Șt. Basarabia: populația, istoria, cultura. Chișinău, 1992. 156 p.; Idem. Cultura rom neasc   n Basarabia sub st p nirea rus . – Chișinău, 1923. – 342 p.; Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. Iași, f. a. 345 p.; Boldur Al. Istoria Basarabiei: Sub denomi niunea ruseasc : (1812–1918), Volume 2. București, 1992. 544 p.; Nistor I. Istoria Basarabiei. București, 1991. 350 p.; Popovschi N. Istoria bisericii din Basarabia  n veacul al XIX-lea sub ruși. Chișinău, 2000. 510 p.

некоторые румынские и западные авторы⁴. Отправными точками советской молдавской историографии выступали концепция «дружбы народов» и миф «большого и меньшего зол». Первая посылка позволяла конвертировать национальные конфликты в классовые (и наоборот), в то время как вторая оправдывала «прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России», как «меньшее зло»⁵.

В 1940–70-е гг. XX в. среди историков Советской Молдавии шли дискуссии по вопросу о времени и обстоятельствах формирования «молдавской буржуазной нации». Среди ранних советских работ особо следует выделить книгу И.Г. Будака «Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период». Будак опирался на классиков марксизма-ленинизма и работы И.В. Сталина по национальному вопросу. Он прослеживал национальное движение начиная с 60-х гг. XIX в. и отмечал его слабость и аморфность, что было следствием классовой ограниченности и почти полного отсутствия среди его участников представителей пролетариата и крестьянства. Автор выделял в движении две составляющих: «демократическую» и «буржуазно-националистическую»⁶. Несмотря на ряд слабых сторон, книга Будака является наиболее полным исследованием бессарабского молдавского национализма, осуществленным в советский период.

Выход в 1974 г. книги крупного идеолога и политического деятеля А.М. Лазарева «Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос» поставил точку в дискуссии о формировании молдавской буржуазной нации: «в период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, молдавский народ сформировался в

⁴ H.F.A. The Bessarabian Dispute // Foreign Affairs. 1924. Vol. 2. Issue 4. P. 662–667.; Popovici A. The Political Status of Bessarabia. Washington, 1931. 318 p.; Malbone W. Graham. The Legal Status of the Bukovina and Bessarabia // The American Journal of International Law. 1944. Vol. 38. № 4. P. 667–673.

⁵ Meurs W.P. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chişinău, 1996. P. 26–27.

⁶ Будак И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959. С. 371. С. 370–371.

самостоятельную буржуазную нацию»⁷. Концепция «молдавской буржуазной нации», несмотря на ее очевидную умозрительность, была крайне важна для советских историков, прежде всего, как аргумент в споре между СССР и Румынией. Собственно национальное движение Лазарев рассматривал вскользь и по большей части в контексте событий 1917–1918 годов. По его мнению, национальное движение молдаван было во многом инспирировано румынским правительством⁸.

Итогом изучения «национального вопроса» в Бессарабии в советской молдавской историографии можно считать коллективную монографию «Формирование молдавской буржуазной нации». Ее авторы сфокусировались на длительных экскурсах в историю Молдавии «эпохи феодализма» и на обширном описании социально-экономического развития Бессарабии в имперский период. Истории национального движения они уделили крайне мало внимания, ограничившись его схематическим описанием. Авторы книги настаивали на классификации националистов по принципу отношения к молдавской идентичности и российскому государству. Одних националистов они объявляли «промолдавскими», ориентируясь на «молдавский буржуазный национализм» и ставившими целью «отвлечение масс от классовой борьбы». Других же называли «румынскими шовинистами», распространявшими «вредную» теорию о родстве румын и молдаван и сеявшими ненависть к братскому русскому народу. И те и другие провозглашались «врагами молдавского трудового народа»⁹. Провал агитации «буржуазных националистов» авторы объясняли тем, что «молдавский народ понял, что подлинное решение национального вопроса невозможно без коренных социально-экономических преобразований, и

⁷ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 116.

⁸ Там же. С. 127.

⁹ Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев, 1978. С. 184–185.

принял активное участие в осуществлении Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁰.

Современная молдавская историография характеризуется противостоянием двух «школ», получивших названия «молдовенизма» и «румынизма». Румынисты выступают сторонниками этнического национализма, утверждающего, что бессарабские молдаване являются составной частью румынской нации. Молдовенисты, в свою очередь, пропагандируют проект гражданской молдавской нации¹¹. Однако и молдовенисты зачастую апеллирует именно к молдавской этничности, противопоставляя ее румынской.

Обращение к сюжетам имперского прошлого в большей степени характерно для представителей «румынистского» лагеря. Важное значение для этой группы историков имеет публикация источников¹². Ярким примером может служить наиболее известная и часто цитируемая работа по теме бессарабского национализма, монография Г. Негру «Царизм и национальное движение бессарабских румын».

Также следует отметить вклад кишиневского историка Иона Варты¹³. В одной из недавних работ он пытается вписать всю историю Бессарабии имперского периода в рамки румынского национального нарратива. Под единым ярлыком «национального сопротивления» или «движения» описываются такие разномастные явления, как протесты против урезания дворянской автономии, романтические увлечения местного боярства

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Дигол С. Парадигмы и парадоксы концепции национального государства в постсоветской Молдавии: язык, государственность и национальная идентичность // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 500.

¹² Poștarencu D. O istorie a Basarabiei în date și documente. Chișinău, 1998. 219 p.; Negru Gh. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău, 2000. 199 p.; Idem. Documente privind politica învățământului în Basarabia în a doua jumătate a secolului al XIX-lea // *Revista de istorie a Moldovei*. 1995. № 3–4. P. 106–129; Idem. Documente referitoare la problema și mișcarea națională în Basarabia (a doua jumătate a sec. al XIX-lea-începutul sec. al XX-lea // *Revista de istorie a Moldovei*. 1994. № 2. P. 29–46; Varta I. Contribuții documentare la istoria mișcării naționale din Basarabia de la începutul secolului al XX-lea // *Revista de istorie a Moldovei*. 1993. № 3. P. 48–53; Idem. Presa românească din Basarabia la începuturile sale // *Destin Românesc*. 1994. № 4. P. 19–31.

¹³ Vata I. Mișcarea națională a românilor basarabeni în perioadă 1905–1914 // *Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei*. 2011. № 1. P. 178–198.

середины XIX в. «румынской идеей», социалистическая агитация бессарабцев-эмигрантов, опасения имперских чиновников возможностью роста прорумынских симпатий населения и собственно национальное движение начала XX века¹⁴. Несмотря на спорность ряда трактовок, работы Варты представляют интерес, т.к. опираются на богатый фактологический материал.

Для молдовенистской историографии имперский период представляется наименее удобным эпизодом «национальной истории», т. к. плохо вписывается в теорию непрерывности молдавской государственности. Сюжеты рубежа XIX–XX вв. у них зачастую являются частями обобщающих работ¹⁵. Для этой группы исследователей характерно преувеличение региональной составляющей в концепциях националистов при игнорировании явных прорумынских симпатий большинства участников движения.

Одной из первых попыток выйти за рамки традиционных школ стала книга Юлиана Фрунташу «Этнополитическая история Бессарабии»¹⁶. Автор опирается в основном на вторичную литературу, однако для анализа материала привлекает современные теории национализма и идентичности. Продуктивной представляется попытка рассматривать процесс национальной эмансипации молдаван не как изолированный случай, а параллельно с историей становления национализмов других этнических групп Бессарабии.

Другой важной попыткой написать «новую историю» Бессарабии стала книга «Бессарабия в составе Российской империи», в которой впервые предложен взгляд на «бессарабский вопрос» в контексте

¹⁴ 200 ani din istoria românilor dintre Prut și Nistru, 1812–2012 /ed. de I.A. Pop, I. Bulei, A. Petrencu, I. Varta. Chișinău, 2012. P. 57–115.

¹⁵ Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. 480 с.; Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. 400 с.; Левит И. Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинэу, 2000. 497 с.; Репида Л.Е. Суверенная Молдова: история и современность. Кишинев, 2008. 384 с.

¹⁶ Fruntașu Iu. O Istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812–2002. Chișinău, 2002. 592 p.

имперских ритуалов и практик. Большое внимание уделено сравнительному анализу Бессарабии с другими окраинами Российской империи. Касательно сюжетов, связанных с «национальным движением» авторы попытались дистанцироваться от героизаторской тенденции, присущей части молдавской историографии, преувеличивающей роль местного национализма в политической истории Бессарабии¹⁷.

Хотя среди западных исследователей и существует определенный интерес к истории Молдовы, конкретные сюжеты, связанные с национальным движением, остаются в целом вне поля их зрения. Среди западных работ особого внимания заслуживает книга Чарльза Кинга «Молдаване: Румыния, Россия и культурная политика», в которой затрагивается проблема идентичности молдаван в широком историческом контексте. Кинг подчеркивает неопределенность идентичностей населения окраины и размытость этнических границ. Кинг дает краткий обзор возникновения и истории молдавского национального движения, в целом следующий «румынистской» интерпретации событий, но лишенный присущего ей патриотического пафоса¹⁸. Также в связи с западной историографией стоит упомянуть книгу итальянского историка Альберто Башиани «Трудное объединение. Бессарабия и Великая Румыния, 1918–1940»¹⁹ и монографию Ирины Ливезяну «Культурная политика в Великой Румынии»²⁰, где тема национального движения также рассматривается как фон к другим сюжетам. Отдельно можно выделить ряд работ, посвященных Бессарабии, но в которых молдавский вопрос затрагивается лишь косвенно²¹.

¹⁷ Кушко А., Таки В., Гром О. Бессарабия в составе Российской империи. 1812–1918. М., 2012. 400 с.

¹⁸ King Ch. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, 2000. P. 28–32.

¹⁹ Basciani A. La difficile unione. La Bessarabia e la Grande Romania. 1918–1940. Roma, 2007. 413 p.

²⁰ Livenzeanu I. Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930. Ithaca and London, 2000. 260 p.

²¹ См., напр.: Clay J. E. Apocalypticism in the Russian Borderlands: Inochentie Levizor and his Moldovan Followers // Religion, State & Society. 1998. Vol. 26. № 3/4. P. 251–263; Джадж Э. Пасха в Кишиневе. Анатомия погрома. Кишинев, 1998. 208 с.

Румынскую историографию бессарабского национализма достаточно тяжело выделить в отдельное направление. В основном она представлена работами, написанными совместно с историками из Молдовы²². Долгое время «бессарабский вопрос» в Социалистической Румынии оставался негласным табу, т.к. его муссирование могло негативно сказаться на и без того напряженных отношениях между Румынией и Советским Союзом, а источники по истории Бессарабии имперского периода в меньшей степени доступны румынским исследователям. Эти обстоятельства определяют вторичный характер многих работ по Бессарабии, выходящих в Румынии. Румынские историки в большей степени вынуждены доверять выводам и интерпретациям своих кишиневских коллег.

Также трудно говорить и о российской историографии «бессарабского вопроса», как о некоем отдельном феномене. Не существует специальных работ, описывающих молдавское национальное движение начала XX века. Тем не менее, можно выделить ряд публикаций, в которых рассматриваются отдельные сюжеты и проблемы, имеющие значение в контексте данного исследования²³.

С точки зрения историографии, тему национального движения в Бессарабии начала XX в. едва ли можно считать «закрытой». На протяжении длительного времени проблемой занимались почти исключительно местные авторы, что отчасти объясняет «краеведческий» характер некоторых работ. На данный момент западная и российская историография бессарабского вопроса представлены крайне фрагментарно.

²² Алмаш Д., Скурту И. и др. История Бессарабии. От истоков до 1998 года. Кишинев, 2001. 352 с.; *Tratatul de pace de la București din 1812–200 de ani de la anexarea Basarabiei de către imperiul rus / coord. Sergiu Musteață. Chișinău, 2012. 352 p.*

²³ Гросул В.Я. Система управления Молдавии в составе России (XVIII – начало XX в.) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 162–185; Раух А.Б. Бессарабский вопрос и деятельность Константина Стере в Бессарабии в период первой русской революции // Международные отношения в новое и новейшее время: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти К.Б. Виноградова. СПб., 2005. С. 254–258; Белова Е.В. Миграционная политика на Юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871 гг.). М., 2004. 230 с.; Морозан В.В. Бессарабия в 1821–1828 гг.: курс на ликвидацию автономных прав края // *Basarabia – 1812: problemă națională, implicații internaționale / coord.: Gh. Cliveti, Gh. Cojocaru. București, 2014. P. 291–308.*

Ввиду специфики истории региона после 1917 г. изучение социально-политических движений в Бессарабии оказалось в сильной зависимости от политической конъюнктуры. Это обстоятельство неизменно сказывалось и продолжает сказываться на качестве исследований. Создание деполитизированного, «нейтрального» нарратива остается на данный момент актуальной задачей.

Объектом исследования выступает «молдавский вопрос» в позднеимперской Бессарабии.

Предметом исследования является деятельность и идеология молдавского движения в контексте взаимодействия с конкурирующими проектами нациестроительства в Бессарабии.

Целью исследования выступает всестороннее изучение истории и идеологии бессарабского молдавского национализма начала XX в. в контексте дебатов о национальной идентичности молдаван и их культурно-политических судьбах.

Задачи исследования предполагают ответы на следующие вопросы:

- 1) когда и при каких обстоятельствах в Бессарабии появилось молдо-румынское национальное движение;
- 2) в каких имперских и международных контекстах существовал «бессарабский вопрос»; каково было место молдаван в этно-социальных иерархиях Российской империи;
- 3) что представляла собой националистическая агитация в годы революции 1905–1907 гг.; какие послания отправляли националисты широким массам, как представляли себе молдавскую нацию и ее место в окружающем мире.
- 4) каковы были взаимоотношения между бессарабским национализмом и другими акторами, предлагавшими альтернативные проекты национальной идентичности молдаван: имперской администрацией, русским и румынским националистами и т. д.;

- 5) какую роль сыграла православная религия и бессарабское духовенство в процессе национализации бессарабского общества;
- 6) что представлял собой «молдавский вопрос» в период спада национального движения;
- 7) какую эволюцию претерпели дебаты о молдаванах накануне и в годы Первой мировой войны?

Источниковая база. Для написания исследования был использован широкий круг источников: архивные документы, периодика и публицистика, воспоминания, статистические и историко-географические описания.

Одним из наиболее важных источников по истории молдавского национализма выступает периодическая печать, т.к. националистические идеи, как правило, формулируются и транслируются широким массам, через газеты и журналы. Также следует учитывать роль прессы в консолидации и институционализации национального движения.

Молдавские газеты появляются в Бессарабии в годы революции 1905–1907 гг. Первой и наиболее радикальной в плане пропаганды националистических идей стала газета „Basarabia” [Бессарабия] (1906–1907). Оппозицию ей составляло полуофициальное издание «Молдованул» [Молдаванин] (1907–1908), руководимое Г. Маданом, вокруг которого группировались бессарабцы, лояльные империи. В последние годы перед Революцией 1917 г. в Бессарабии выходили газета «Гласул Басарабией» [Голос Бессарабии] (1913–1914), а также журнал и газета «Кувинт Молдовенеск» [Молдавское слово] (1913–1917).

Часть дискуссий по молдавскому вопросу происходила на страницах русскоязычных газет. Наиболее авторитетными из них были консервативный «Друг», руководимый лидером бессарабских русских националистов П.А. Крушеваном, и «прогрессивная» газета «Бессарабская жизнь». «Бессарабская жизнь» в целом сочувственно относилась к национальной и социально-политической программе молдавских

националистов, в то время как в «Друге» печаталась в основном критика их деятельности с радикально-монархических позиций.

В общероссийской периодике («Санкт-Петербургские ведомости», «Россия», «Окраины России» и др.) содержится материал, который, несмотря на свою фрагментарность, позволяет составить представление о том, как «молдавский вопрос» и молдавское национальное движение воспринимались из имперского центра.

Отдельное значение для изучения молдавского национализма в среде православной церкви имеет церковная и околоцерковная периодика, например, официальное издание бессарабского духовенства «Кишиневские Епархиальные Ведомости» и журнал священника И. Чекана «Наше Объединение».

Важное значение для исследователей истории Бессарабии начала XX в. представляет фонд канцелярии бессарабского губернатора, хранящийся в Национальном Архиве Республики Молдова, документы которого позволяют проследить взаимоотношения властей губернии и бессарабских националистов. Часть документов по национальному движению хранится в фондах местных полицейских и судебных органов. Они показывают, что, несмотря на малочисленность движения и его слабое влияние, имперские власти на местном уровне воспринимали его как реальную угрозу, а особенно опасным представлялись связи бессарабцев с Румынией.

Для изучения национального движения в среде бессарабского духовенства были привлечены фонды религиозных учреждений Бессарабии: Кишиневской духовной консистории, Кишиневской духовной семинарии и др.

Также использовались документы из фондов Российского государственного исторического архива, в первую очередь материалы Главного управления по делам печати, позволяющие уточнить механизмы

функционирования и цензурирования молдавских газет, а также отношение к ним имперских чиновников.

Важную роль играют сочинения мемуарного характера, например, воспоминания Г. Константинеску, П. Халиппы, К. Поповича, С.Д. Урусова и др.²⁴. Эти материалы опубликованы преимущественно в 1920–1930-х гг., спустя несколько десятилетий после описываемых событий, в специфических интеллектуально-идеологических условиях межвоенной Румынии, что накладывает отпечаток на способы работы с ними.

Статистические и историко-географические описания, использованные в работе, представлены трудами таких публицистов, историков, путешественников как Свиньин, Афанасьев-Чужбинский, П.Н. Батюшков, П.А. Крушеван, Л.С. Берг и др.²⁵. Из них можно проследить эволюцию представлений о молдаванах и молдавском вопросе на протяжении XIX – начала XX веков.

Законодательные и правовые акты местных и центральных органов власти позволяют изучить правовое положение Бессарабии и статус молдавского языка. Отдельно стоит отметить стенографические отчеты Государственной думы, содержащие полемику по молдавскому вопросу в законодательном органе Российской империи в 1910–1911 годах.

Методология исследования. Все многообразие имеющихся на данный момент теоретических наработок в сфере изучения национализма

²⁴ Bogos D. La răspântie. Moldova de la Nisstru, 1917–1918. Chișinău, 1998. 223 p.; Chicu Gh. Pământenia basarabeană din Dorpat // Viața Basarabiei. 1936. № 7–8. P. 429–447; Constantinescu G Din vremuri țariste // Cuvânt moldovenesc. 1931. № 48; Halippa P. Amintiri de la “Cuvânt Moldovenesc” // Basarabia necunoscută. Vol I. Chișinău, 1991. P. 298–302; Inculeț Th. Ion Pelivan și ziarul “Basarabia” // Viața Basarabiei. 1936. № 7–8. P. 500–504; Popovici C. Amintiri de împrejurările în care s-a născut și a apărut revista Luminătorul în curs de 25 de ani // Luminătorul. 1933. № 1. P. 23–37; Tudor, I. Sub ruși. Amintiri din anii mișcării naționale, 1905–1918 // Moldova de la Nistru. 1926. № 6–10. P. 43–47; Usinevici Șt. Prin temnițele rusești (amintiri) // Colesnic Iu. Basarabia necunoscută. Vol II. Chișinău, 1997. P. 262–277; Урусов С.Д. Записки губернатора. М., 1907. 377 с.

²⁵ Свиньин П.П. Описание Бессарабской области в 1816 году // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1867. Т. VI. С. 175–304; Чужбинский А. Собрание сочинений. Т. VIII. Поездка в Южную Россию. Очерки Днепра. СПб, 1893. 428 с.; Крушеван П. Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. М., 1903. 250 с.; Бутович В.Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. 59 с.; Берг Л.С. Бессарабия: страна, люди, хозяйство. Пг., 1918. 242 с.

можно свести к двум направлениям, условно называемым «примордиализм» и «конструктивизм». В целом, при реконструкции истории бессарабского молдавского национализма автор руководствовался конструктивистским подходом, т. к. он позволяет перенести фокус исследования с вопроса об исторической легитимности молдавской нации или ее тождественности с румынской, ключевого для молдавской и румынской национальных историографий, на противоречивый процесс конструирования идентичностей в Бессарабии. Однако понимание логики «примордиализма» важно, т. к. он базируется на тех же исходных положениях, что и построения большинства националистов.

Другой теоретической посылкой для изучения национализмов на окраинах Российской империи стал ситуативный подход, предложенный Алексеем Миллером, который предполагает перенесение центра исследования на структуру этнокультурных, этноконфессиональных, межнациональных отношений или различные аспекты, например, экономического или административного взаимодействия²⁶.

Широкое использование сравнительно-исторического метода позволило продемонстрировать специфику «бессарабского вопроса», состоявшую в том, что этот регион представлял собой пограничную территорию, находившуюся в поле символического противостояния двух проектов идентичности – русского (имперского) и румынского (национального).

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в российской историографии предпринята попытка всестороннего анализа идеологии и истории «молдавского вопроса» и национального движения Бессарабии в начале XX века. Также важным вкладом автора можно считать рассмотрение истории молдавского национализма, не как

²⁶ Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 28.

изолированного случая, а в контекст процессов, происходивших в то же время на других окраинах Российской империи. Работа представляет собой одну из немногих попыток адаптации теоретических наработок в области исследования национализмов и окраин Российской империи к Бессарабскому случаю. В работе пересмотрен ряд положений и «мифов», характерных для молдавской и румынской историографии. Рассмотрение в объективистском ключе истории бессарабского молдавского национализма может позитивно сказаться на уровне историографических и социально-политических дискуссий, связанных с осмыслением прошлого, как в Молдове, так и в России. Кроме того, в предложенной работе вводятся в научный оборот новые источники и переосмысливается ряд уже известных текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1) Молдавское национальное движение в Бессарабии появляется не раньше начала XX века. Широко распространенное в историографии мнение о непрерывном существовании на протяжении XIX в. «румынофильского» движения не подтверждается имеющимися источниками.

2) Как и на других национальных окраинах доминирующей организационной формой движения выступала печать. Другие формы национального движения (партии, союзы и культурно-просветительские общества), характерные для более «зрелых» движений (украинского, польского, грузинского, финского) не получили развития.

3) Идеология бессарабских молдавских националистов носила во многом имитационный и эклектичный характер, впитав в себя элементы российского революционного дискурса, румынского национализма, социального популизма и конструкты, заимствованные у других национальных движений Российской империи.

4) Большинство представителей молдавского движения в той или

иной степени придерживались панрумынской трактовки национальной принадлежности бессарабских молдаван и считали их частью «большой румынской нации», а противопоставление румынской и молдавской идентичности, характерное для современности в начале XX в. не существовало.

5) На уровне публичного дискурса большинство националистов в своих требованиях не шло дальше расширения сферы употребления румынского языка и предоставлении Бессарабии ограниченной «национальной» автономии в составе России. Однако подобная лояльность не исключала симпатий к Румынии и ее политическому устройству.

6) Несмотря на спад активности националистов в 1908–1913 гг., судьба молдаван стала предметом внимания не только в Бессарабии, но и за ее пределами. Бессарабские молдаване стали объектом противостояния румынского, бессарабского молдавского и русского проектов нациестроительства.

7) В «легализацию» национального движения накануне и в годы Первой мировой войны внесли вклад борьба с сектантством, выявившая необходимость более внимательного отношения к культурным потребностям молдаван, а также улучшение русско-румынских отношений, способствовавшее частичному снятию с националистов обвинений в ирредентизме.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке университетских курсов по истории России и стран СНГ. Введенные в научный оборот источники, в том числе опубликованные и переведенные на русский язык, могут лечь в основу дальнейших научных исследований.

Апробация исследования прошла в виде докладов на российских («Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», Ростов-на-Дону, 2015; «Юг России

и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах», Ростов-на-Дону, 2016) и международных (Workshop-ul internațional „Frontieră, ținut de margine sau provincie? Istoria. Basarabiei în lecturi alternative”, Яссы, 2012; „România în prima conflagrație mondială. Tentative, opinii și acțiuni în perioada neutralității României”, Яссы, 2015) научных конференциях. Основные положения работы отражены в 12 научных публикациях, общим объемом 9,9 п.л.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложений и списка источников и литературы.

В первой главе **«Бессарабия в XIX веке: этнодемографические процессы и политика Российской империи»** освещены некоторые сюжеты истории Бессарабии XIX в., очерчивающие исторический и социокультурный контекст, в котором стало возможным появление националистических идей и национального движения, а также представлена попытка включить бессарабский случай в имперский и румынский контекст.

Пруто-днестровское междуречье вошло в состав России в 1812 году. Политика российского правительства привела к формированию этнического разнообразия в регионе. Однако крупнейшей этнической группой губернии оставались молдаване.

После краткого периода автономии Бессарабии в 1818–1828 гг. началась интеграция окраины в общеимперскую систему управления, завершившаяся к 1870-м годам. В середине века начинается процесс культурно-языковой русификации, что было связано с ростом государственного национализма в России. Важным фактором, повлиявшим на этнополитику российских властей в Бессарабии, выступало

формирование румынского национального государства, позиционировавшего себя как центр притяжения всех этнических румын, включая бессарабских молдаван.

Церковь и школа выступали основными посредниками коммуникации между имперскими властями и молдавским населением, поэтому основные усилия русификаторов были направлены на трансформирование церковной жизни и системы обучения в русском духе.

Русификация православной церкви в Бессарабии наиболее активно проводилась в 1870–1880-е гг. при епископе Павле (Лебедеве), который был сторонником идей панславизма и цивилизаторской миссии России по отношению к малым христианским народам, таким как молдаване²⁷. К концу епископства Павла в Бессарабии, где молдаване составляли примерно 2/3 населения, из 1026 церквей служба на молдавском оставалась только в 207, а в 210 практиковалась смешанная литургия²⁸.

Вопреки расхожему мнению, утвердившемуся в румынской и молдавской историографиях, епархиальные власти не ставили себе цели в максимально короткое время превратить бессарабских молдаван в русских. Задачей русификаторов было скорее «сближение» молдаван с русскими, которое подготовило бы почву к последующему «слиянию». Основным средством воплощения «русской миссии» представлялось просвещение на русском языке, служившее двоякой цели воспитания лояльности к Российской империи среди населения пограничной окраины, находившейся в поле символического противостояния России и Румынии, и приобщения этого населения к русской культуре. Молдавский язык не был полностью изгнан из церковной сферы, однако произошел процесс его вытеснения на периферию.

²⁷ Popovschi N. Указ. соч. Р. 255.

²⁸ Паржомович И.М. Краткий очерк жизни и деятельности высокопреосвященного Серафима (Чичагова), архиепископа кишиневского и жутинского. // Труды бесс. церковного ист.-арх. об-ва. 1913. № VIII. С. 46.

Рядом решений, принятых в 1860–1870-х гг. молдавский язык был исключен из программ учебных заведений Бессарабии на всех уровнях. Результатом стало то, что к концу века число молдаван, владевших грамотой на родном языке, составляло 0,2%²⁹. При этом успехи русской школы в Бессарабии были ожидаемо низкими, что сказывалось как на малочисленности учащихся, так и на эффективности образования³⁰.

Наряду с низким уровнем урбанизации, низкая грамотность среди молдаван стала одной из причин позднего появления в Бессарабии национального движения в сравнении с другими окраинами империи. Кроме того, появлению молдавского национализма препятствовала политика имперской администрации, смотревшей на молдаван, как на потенциальный объект панрумынской пропаганды. Даже немногочисленные и в целом «невинные» попытки отдельных групп бояр заявить о себе в «национальном» контексте пресекались властями.

На рубеже XIX и XX вв. появляются первые организации молдавских интеллектуалов, состоявшие их «разночинцев». Наиболее известным и влиятельным было землячество бессарабских студентов, обучавшихся в Юрьеве (Дерпте), оформившееся в конце 1899 – начале 1900 гг. Программа землячества представляла собой смесь идей «революционной» борьбы за социальное и экономическое равенство и национализма, что было типичным для окраинных движений в России. Участники бессарабского землячества пытались установить контакты с русскими революционными и румынскими националистическими организациями³¹.

В конце февраля 1902 г. члены землячества оказались под арестом³². После нескольких месяцев следствия, дело было закрыто за недостатком доказательств. Однако троих молдавских активистов отправили в ссылку.

²⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1907 г. Т. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 95–97.

³⁰ Будак И.Г. Указ. соч. С. 264.

³¹ Там же. С. 381.

³² Chicu Gh. Pământenia basarabească din Dorpat // Viața Basarabiei. 1936. № 7–8. P. 440.

Активисты юрьевского землячества составили основу национального движения, возникшего в 1905–1906 годах.

В главе II. «**Молдавский национализм в публичной сфере Бессарабии (1906–1908)**» рассказывается о деятельности молдавских националистов в годы революции 1905–1907 гг., а также о взаимодействии молдавского национализма с русским.

Основной проблемой бессарабских интеллектуалов было отсутствие средств трансляции идей от узких слоев образованной публики к широким массам населения, что делало невозможным реализация их политических, социальных и националистических проектов.

В 1906 г. начала выходить газета «Basarabia», объединившая большую часть местных молодых националистов и революционеров. Они ставили своей целью «воскрешение» национальной жизни и выход из состояния культурной изоляции, в котором оказался «бессарабский народ». Основным условием этого было приобщение молдаван к развитой румынской культуре. Следование запрутской модели понимания нации становится общим местом для «группы Басарабии». Роль «будителей» народа отводилась национальным активистам, группировавшимся вокруг газеты³³.

Вопреки распространенному среди представителей власти и консервативных публицистов мнению, несмотря на реверансы в сторону румынской культуры и румынского государства, движение не было «сепаратистским». Требования молдавских активистов не шли дальше размытых деклараций о культурной и административной автономии Бессарабии в составе России. «Сепаратистские» взгляды не артикулировались национальными активистами публично.

Степень влияния агитации националистов на массы трудна для оценки ввиду недостатка релевантных источников. В целом молдаване

³³ Basarabia. 1906. № 1. P. 1.

слабо интересовались (если интересовались вообще) своей «национальностью» и тем более не осознавали своей «румынскости», а наибольший интерес у них вызывала аграрная программа националистов.

После выхода первых номеров «Басарабии» газета подверглась нападкам на страницах консервативно-монархической газеты «Друг», издававшейся местным лидером «Союза русского народа» Павлом Крушеваном. Он обвинял «Басарабию» в сепаратизме и выступал против ее национальной программы.

Другим вызовом для националистов стало появление в начале 1907 г. второй молдавской газеты «Молдованул» (Молдованин), издававшейся на деньги правительства. Борьба «Молдованула» с «Басарабией» касалась, прежде всего, политических и социально-экономических взглядов последней. По вопросу же о национальной идентичности он более или менее солидаризировался с националистами из «кружка Басарабии».

Газета «Basarabia» прекратила выходить в марте 1907 г., вероятнее всего по инициативе самих издателей. «Молдованул» издавался до октября 1908 года.

Неоднозначный опыт национальной и политической агитации «кружка Басарабии» привел к появлению альтернативного проекта организации национального движения, предложенного Алексисом Ноуром и пропагандируемого им в издававшейся короткое время газете «Вьяца Басарабией» (Бессарабская жизнь), а также на страницах яесского журнала «Viața Românească». Ноур настаивал на умеренности политической программы националистов, как по соображениям цензуры, так и ввиду того, что в условиях тотальной безграмотности и низкой политической сознательности бессарабского населения, узости круга «интеллигенции» о реализации многих элементов такой программы речи быть не могло³⁴.

Третья глава **«Конфессиональное измерение «молдавского**

³⁴ Viața Românească. 1907. V61. VI. № 9. P. 395.

вопроса» в Бессарабии: национализм и православная церковь» посвящена роли православной церкви в становлении и развитии национализма в Бессарабии в начале XX века. Церковь стала благодатной средой для генерации разного рода националистических «посланий» и их трансляции широким массам населения. Как и в других частях Восточной Европы, религиозные мотивы оказались встроенными в националистический дискурс, а конфессия стала объектом символической «национализации».

Осознание неэффективности русификаторской политики в церкви привело в начале XX в. к частичной реабилитации молдавского языка в качестве средства проповеди. Особенно ярко эти тенденции проявились при епископе Владмире (Синьковском). Благосклонность епископа Владимира и понимание со стороны значительной части русскоязычного духовенства в целом соответствовали настроениям, охватившим русскую православную церковь в период революции 1905–1907 годов.

В 1908 г. начал выходить церковный журнал «Луминэторул», который стал единственным периодическим изданием на молдавском языке, непрерывно выходившим вплоть до революции 1917 г., что определило его значимость для «национализации» духовенства и верующих молдаван.

Назначенный в 1908 г. кишиневским епископом Серафим (Чичагóв) оказался вовлеченным в борьбу с молдавско-румынским «сепаратизмом» в церкви. Меры по борьбе с «молдавским сепаратизмом» заключались в том, что часть священников, так или иначе связанных с национальным движением, попала в опалу. В основном «репрессии» коснулись священников, группировавшихся вокруг журнала «Луминэторул», редакцию которого Серафим называл «бандой сепаратистов»³⁵.

Но в целом большинство молдавских священников-активистов

³⁵ Popovici C. Amintiri de împrejurările în care s-a născut și a apărut revista Luminătorul în curs de 25 de ani // Luminătorul. 1933. № 1. P. 281.

остались в губернии. Вопреки распространенным в националистической традиции и поздней историографии представлениям об исключительно русификаторской политике Серафима, роль молдавского в церкви, по сути, не изменилась серьезным образом после 1908 года.

С уходом Серафима из Бессарабии в 1914 г. борьба с молдавским «сепаратизмом» фактически прекратилась. Причинами этому стало улучшение отношений с Румынией, а также изменение отношению к языку проповеди в связи с борьбой с иннокентиевским движением.

В заключительной главе **«Национализм и «национальный вопрос» накануне и в годы Первой мировой войны (1909–1917)»** рассказывается о «молдавском вопросе» в период между революцией 1905–1907 гг. и 1917 годом.

После 1908 г. все националистические газеты были закрыты, а большая часть молдавских активистов отошла от активной общественно-политической деятельности. Но сам факт существования движения заставили общественное мнение, как в Кишиневе, так и в Петербурге обратить внимание на «бессарабский вопрос» и вызвали к жизни дебаты по поводу наличия в Бессарабии молдавского сепаратизма и ирредентизма в пользу Румынии.

В период между 1908 и 1912 гг. в местной и центральной прессе активно формируется дискурс «бессарабского сепаратизма». Часть публицистов видела в желании местной интеллигенции и духовенства говорить с населением на «природном» языке угрозу сепаратизма. Лояльность бессарабских молдаван, прежде всего крестьян, не ставилась под сомнение, но и не исключалась возможность влияния националистической агитации на массы в будущем. Оппоненты «охранителей» из «прогрессивного» лагеря, напротив, считали слухи о сепаратизме преувеличенными, а влияние национальных активистов ничтожным. Обсуждение законопроекта о всеобщем образовании в Государственной думе на время сделало «молдавский вопрос» предметом

обсуждения не только в Бессарабии, но и за ее пределами.

Важной вехой в истории Бессарабии начала XX в. стало празднование юбилея столетия присоединения ее к России, отмечавшееся 16 мая 1912 года. Инициатива и организация празднования юбилея принадлежала во многом епархиальным властям, в первую очередь епископу Серафиму.

На фоне публичных торжеств бессарабской элиты траурных мероприятий в Румынии, участие местных молдавских националистов было скромным. Единственной крупной манифестацией местных интеллектуалов, связанной с юбилейными торжествами, стала попытка издания газеты «Фэклия Цэрий» (Факел Страны), пресеченная властями.

В начале 1910-х гг. среди молдаван Бессарабии и соседних губерний получает распространение религиозное течение «иннокентиевщина». Его основателем был иеромонах Балтского монастыря Иннокентий. Административные меры против монаха и его последователей не принесли желаемого результата и движение продолжало расти.

Епископ Серафим, будучи сторонником трактовки иннокентиевщины как хлыстовства, не упускал из виду и «национальное измерение», занимавшее его в контексте борьбы с прорумынскими настроениями среди молдавского клира. Иннокентиевщина стала ударом по одному из столпов право-охранительного мифа о молдаванах – безоговорочной их приверженности официальному православию. В конечном итоге все это заставило пересмотреть отношение к культурным нуждам молдавского населения.

Результатом стала некоторая легализация национального движения. Уже весной 1913 г. после нескольких лет перерыва в Кишиневе начинают выходить газеты и журналы на молдавском языке.

Газета «Гласул Басарабией» реализовывала модель лояльного по отношению к российским властям национализма, придерживаясь

исключительно культурной программы. Тем не менее, она была закрыта сразу же после начала Первой мировой войны на волне шпиономании, а ее редактор румынскоподданный Г. Константинеску оказался под арестом.

После закрытия «Гласул Басарабией» единственными периодическими изданиями на молдавском языке остались журнал и газета «Кувынт Молдовенеск». Эти издания приобрели определенную популярность; тиражи газеты в годы войны доходили до 10 тыс. экземпляров, что было значительной цифрой для Бессарабии. Идеология «Кувынт Молдовенеск» была довольно умеренной. Основной упор делался на «культурную работу», распространение румынской литературы, а также практических знаний на молдавском языке.

Война способствовала проблематизации «бессарабского вопроса». В период нейтралитета Румынии в 1914–1916 гг. администрации Бессарабии стала проявлять больший интерес к «румынофильским мечтаниям» местной интеллигенции. Известно как минимум три случая, когда молдавских националистов пытались обвинить в военном шпионаже в пользу Румынии. Во всех случаях обвинения были сняты. В целом, национальные активисты в связи с войной заняли, по меньшей мере, публично, «патриотическую позицию», всячески открещиваясь от политического сепаратизма. С вступлением Румынии в войну на стороне России необходимость подобных оправданий отпала. Публично антироссийские настроения могли выражать бессарабцы, эмигрировавшие в Румынию. Самым известным бессарабцем, сторонником вступления Румынии в войну против России за «освобождение Бессарабии» был Алексис Ноур.

В Заключении приводятся основные выводы проведенного исследования.

Молдавский национализм в Бессарабии имел поздний и во многом имитационный характер. Несмотря на утверждения ряда молдавских и

румынских историков вплоть до самого конца XIX в. национальное движение в сколько-нибудь организованных формах не прослеживается. Причины этого заключались в низкой социальной мобильности большей части этнических молдаван, их обособленности и изолированности от общественно-политических процессов, происходивших как в Российской империи, так и в соседней Румынии. Боярская элита молдавского происхождения к середине XIX в. практически полностью слилась с российским дворянством и едва ли могла стать средой, в которой получили распространение националистические идеи. В то же время русификации подверглись и основные институты, через которые осуществлялась коммуникация между империей и молдавским населением – церковь и школа, что закрывало пути для восприятия и адаптации понятия «нация» массами молдавского населения.

В результате проведенного исследования был пересмотрен один из устоявшихся тезисов, касающихся русификации в Бессарабии. Вопреки расхожему мнению, утвердившемуся в румынской и молдавской историографиях, «агенты русификации» не ставили себе цели превратить бессарабских молдаван в русских. Задачей русификаторов было скорее «сближение» молдаван с русскими, которое подготовило бы почву к последующему «слиянию». Политика по отношению к молдаванам диктовалась представлениями о цивилизаторской миссии российского государства и русского православия.

Импульс для появления молдавского национализма дала революция 1905–1907 гг., позволившая едва зародившимся слою молдавской интеллигенции описать себя в национальных терминах и развернуть деятельность по трансляции национальной идеи широким массам. Либерализация законодательства о печати и обществах позволила молдавским национальным активистам начать агитацию среди молдаван. В этом смысле молдавское движение не может рассматриваться вне

общероссийского контекста и процессов, происходивших среди других этнических групп империи. По времени появления, количеству активистов и влиянию на массы молдавское движение стояло в одном ряду с движениями самых «молодых наций» – народностей Поволжья, карел, якутов и т.д. В то же время молдавское движение имело ряд сходных черт с более «развитыми» национализмами – украинским, литовским, белорусским и др.

Опираясь на материалы дискуссий в периодической печати, удалось в целом реконструировать идеологические представления молдавских националистов. Для своих построений они использовали преимущественно два источника заимствований: румынский национализм и разнообразные течения русской общественной мысли, как правило, левого, социалистического толка. При этом на ранних этапах деятельности движения социалистическая риторика играла крайне важную роль. По мере наступления «реакции» после революции 1905–1907 г. движение все больше эволюционировало в сторону сугубо культурного национализма без четко выраженной политической повестки.

Общей идеей для большинства молдавских националистов выступал тезис о том, что бессарабцы являются частью румынской нации. При этом, по крайней мере на уровне публичного дискурса, идея политического единства Бессарабии и Румынии не получила распространения. «Сепаратистские» взгляды не артикулировались национальными активистами по ряду причин: во-первых, это грозило осложнениями с цензурой; во-вторых, едва ли кто-то из участников движения в начале XX в. всерьез верил, что Российская империя в обозримой перспективе распадется или настолько ослабнет, что отпадение от нее Бессарабии станет возможным; в-третьих, подобная риторика могла быть негативно встречена крестьянством, среди которого пророссийские и монархические настроения были сильны. Деятели молдавского национализма

ограничивались требованием предоставления Бессарабии автономии, которая мыслилась как автономия молдавской нации. Но и этот тезис со временем потерял актуальность.

В историографии существует тенденция рассматривать молдавское национальное движение либо как «прорумынское», ориентированное сугубо на проект «большой румынской нации» с последующим присоединением Бессарабии к Румынии, либо как сугубо «молдавское», апеллировавшее к местной этничности и слабо связанное с Румынией. Обращение к фактическому материалу показывают, что обе эти крайности не верны. Деятели начала XX в. говорили одновременно и о молдавскости, и о румынскости населения Бессарабии, а противопоставление этих идентичностей, характерное для советского периода и современности, на тот момент не существовало.

Появление молдавского национального движения, несмотря на его слабость и ограниченное влияние на население, вызвало встречную реакцию со стороны властей и русских националистов, активизировавших свою деятельность на окраинах также в годы революции 1905–1907 гг. В результате Бессарабия стала полем конкуренции различных проектов нациестроительства: «румынизации», «русификации», культивирования особой молдавской идентичности, противопоставленной румынской и т.д. Важно отметить, что «репрессивность» этой реакции зачастую преувеличивалась как современниками, так и историками. Показателен в этом отношении случай епископа Серафима (Чичагова), имевшего репутацию «русификатора» и борца с молдавским движением. Несмотря на то, что епископ не скрывал негативного отношения к «сепаратистам», в отношении молдавского языка в церкви при нем сохранился статус-кво, достигнутый при его «либеральном» предшественнике, а «репрессии» затронули лишь небольшое число священников-молдаван. В целом взгляды Серафима вписывались в ту же логику «цивилизаторской миссии», которая

действовала в XIX веке.

Накануне в годы Первой мировой войны молдавское национальное движение получило новый импульс развития. Это было связано с рядом факторов: во-первых, губернские власти, напуганные ростом религиозного сектантства среди молдаван, фактически дали зеленый свет культурно-просветительской работе на молдавском языке, во-вторых, большая часть молдавских националистов, оставшихся в Бессарабии, смягчила риторику, фактически отказавшись от политической программы, и, в-третьих, начало войны, а особенно вступление в нее Румынии на стороне России, изменило внешнеполитический контекст. Избавившись от необходимости доказывать лояльность, националисты смогли расширить свою и действовать в целом свободней. Об этом свидетельствует в частности существенный рост тиражей молдавских изданий в годы войны. Молдавским националистам во многом удалось найти *modus vivendi* с имперскими властями. Молдавское движение в этом оказалось достаточно успешным в сравнении, например, с украинским, подозрительное, а зачастую враждебное, отношение к которому только росло и достигло апогея как раз в годы войны.

После Февральской революции национальное движение консолидируется в Молдавскую национальную партию. Националисты, до 1917 г. маргинальная группа с ограниченным влиянием, после революции оказались в центре политической жизни края. Отчасти этому способствовал кризис правых, занимавших до революции при поддержке имперской бюрократии доминирующее положение в общественной жизни Бессарабии. При этом реальная поддержка Молдавской партии населением даже тогда не превышала нескольких процентов, о чем свидетельствуют, например, выборы в Учредительное собрание. Тем не менее, националистам удалось получить фактический контроль над краевым советом (Сфатул Цэрий), который 2 декабря 1917 г. провозгласил автономию Бессарабии в составе «Федеративной России». 24 января 1918 г.

была провозглашена полная независимость Молдавской Народной (Демократической) Республики, а двумя месяцами позже Сфатул Цэрий большинством голосов провозгласил присоединение Бессарабии к Румынии.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ АВТОРОМ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:**

1. Гром, О.А. «Молдавский вопрос» в Бессарабии в конце XIX – начале XX века: сравнительный аспект / О.А. Гром // Россия XXI. – 2014. – № 4. – С. 44–71. (1 п. л.).

2. Гром, О.А. Иннокентиевское движение и «молдавский вопрос» в Бессарабии в начале XX века / О.А. Гром // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – № 4. – С. 86–106. (1 п. л.).

3. Гром, О.А. Молдавский национализм в «публичной сфере» Бессарабии (1906–1908 годы) / О.А. Гром // Славяноведение. – 2015. – № 3. – С. 89–102. (1.1 п. л.).

4. Гром, О.А. Дебаты о «молдавском сепаратизме» в период между Первой русской революцией и столетним юбилеем присоединения Бессарабии к России (1907–1912 гг.) / О.А. Гром // Славянский Альманах. – 2015. – № 3–4. – С. 87–104. (1 п. л.).

Монографии:

1. Кушко, А. Таки, В., Гром, О. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917) / А. Кушко, В. Таки, О.А. Гром. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 400 с. (1 / 25 п.л.)

Публикации в других изданиях:

1. Гром, О.А. Церковная русификация в Бессарабии в середине XIX века / О.А. Гром // Вестник Таганрогского государственного

педагогического института. – 2013. – № 2. – С. 89–93. (0. 5 п.л.).

2. Grom, O. Confesiune și etnicitate în Basarabia la începutul secolului al XX-lea [Конфессия и этничность в Бессарабии в начале XX века] / О.А. Гром // *Archiva Moldaviae*. – 2013. – Vol V. – P. 183–198. (1 п. л.).

3. Гром, О. Алфавит, язык и идентичность в Бессарабии второй половины XIX – начала XX вв. / О.А. Гром // *Plural: journal of the History and Geography Department, “Ion Creangă” State Pedagogical University*. – 2014. – Vol. 2. – № 3. – P. 5–24. (1 п. л.).

4. Гром, О.А. Язык, история и нация в представлениях бессарабских молдавских интеллектуалов начала XX в. / О.А. Гром // *Русский Архив*. – 2015. – № 3. – С. 177–192. (1.3 п. л.).

5. Гром, О.А. Русификация в Бессарабии в XIX в. и предпосылки появления молдавского национального движения / О.А. Гром // *Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 29–30 сентября 2015)*. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 191–200. (0.8 п. л.).

6. Cușco, A. Discourses of Empire and Nation in Early 20th-century Bessarabia: Russian-Romanian Symbolic Competition and the 1912 Anniversary / A. Cușco, O. Grom, F. Solomon // *Ab Imperio*. – 2015. – № 4 – P. 91–129. (0.5 / 2.4 п. л.).

7. Grom, O. Publicistică și activism moldovenesc în Basarabia, în preajmă și la începutul Primului Război Mondial [Публицистика и молдавское движение в Бессарабии накануне и в начале Первой мировой войны] // *România și statele vecine la începutul Primului Război Mondial: viziuni, percepții, interpretări*. – Iași: Editura University „Al. I. Cuza”, 2016. – P. 307–320. (0.7 п. л.).